

Э. Таубе

ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА У ТУВИНЦЕВ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Летние месяцы 1966, 1967 и 1969 гг. я провела на Восточном Алтае, в сомоне Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монгольской Народной Республики, занимаясь главным образом изучением фольклора проживающих там тувинцев. В научной литературе их называют по-разному: *алтайские урянхайцы*, *кок-чулутуны*, *мончак*, *мончак-урянхайцы* и, наконец, *алтайские тувинцы*¹.

Об этой этнической группе известно очень немного. В тюркологической литературе ограничиваются обычно лишь кратким ее упоминанием². В докторской диссертации С. И. Вайнштейна сообщаются более подробные материалы о рассматриваемой группе. Указано, в частности, на значительное этническое родство тувинцев с группой *мончак-урянхайцев* (*кок-чулутун*) в Монголии, населяющих Баян-Улэгэйский аймак (сомоны Алтан-Цуцц, Толбо, Цэнгэл и др.). Материальная культура монгольских тувинцев близка западнотувинской. С. И. Вайнштейн считает, что они переселились из Тувы в Монголию в конце XVIII в., т. е. уже в то время, когда завершалось сложение тувинской народности (конец XVIII — начало XIX в.)³.

Сомон Цэнгэл расположен в верхнем течении р. Кобдо (по-монгольски Ховд, по-тувински Хомду), протекающей через два озера — Хотон-Нуур и Хоргон-Нуур. Его территорию с двух сторон окружают горы с вечными снегами. В 1966 г. в сомоне жило около 6 тыс. чел. Из них примерно 3600 казахов, 2400 тувинцев.

Самоназвание тувинцев обследованного района *дыва*, *дывалар*. Они разделяются на две родовые группы: *сояны* (с подгруппами *ак-соян* — белые сояны и *хара-соян* — черные сояны) и *мончак* или *гок-мончак* (синие мончаки).

Цэнгэльские тувинцы говорят между собой по-тувински⁴. Большинство пожилых людей слабо владеет монгольским языком, люди же молодого и среднего возраста знают монгольский язык хорошо. Все жители сомона говорят также по-казахски. Тувинцы непосредственно контактируют с казахами; в одном ауле зачастую встречаются как казахские, так и тувинские юрты. В Баян-Улэгэйском аймаке, где живет много казахов, официальным языком считается казахский, и все тувинцы — жители этого аймака фактически двуязычны. Цэнгэльские тувинцы не

¹ См.: Л. П. Потапов, Очерки народного быта тувинцев, М., 1969, стр. 78; Р. Намаюн, Mongols: hommes et langues, «Etudes mongols», cahier 1, Nanterre, 1970, p. 42—44.

² См., например, «Philologiae Turcae Fundamenta», Theil 1, Wiesbaden, 1959, S. 641.

³ С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореф. докт. дис., М., 1969.

⁴ Е. Таубе, Zum Problem der Ersatzwörter im Tuwinischen des Cengel-sum, «Sprache, Geschichte und Kultur des altaischen Völker. Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients», Berlin, 1974, S. 589—607.

имеют своих школ. Поэтому дети могут учиться или в казахской, или в монгольской школе, причем почти всегда отдается предпочтение последней (знание монгольского языка обязательно при поступлении в высшие учебные заведения).

Тувинцы сомона Цэнгэл являются членами сельскохозяйственного объединения Алтайн-Оргил. Большая часть их входит в бригады животноводов и дояров. Они работают также в бригадах лесосплавщиков, плотников, столяров и строителей. Кроме того, мужчины занимаются охотой; кооператив обязан ежегодно сдавать государству определенное количество пушнины.

В Цэнгэле — административном центре сомона — в 1966 г. жило около 600 чел. Здесь находится правление сельскохозяйственного объединения Алтайн-Оргил, почта, филиал банка, школа, сельскохозяйственный техникум с интернатом, ветеринарная станция, больница и родильный дом, небольшая гостиница, дом культуры, электростанция и складские помещения. В 1969 г. в Цэнгэле был создан также небольшой этнографический кабинет.

Значительная часть населения и в настоящее время кочует со стадами. В сомоне есть еще одно крупное селение Цагаан-Гол, расположенное на левом берегу р. Кобдо, недалеко от устья р. Цагаан-Гол. В нем проживают главным образом казахи. Здесь имеется артель по переработке древесины, кожи и пушнины.

В населенных пунктах все капитальные постройки одноэтажные: общественные здания построены из кирпича, а жилые дома срубные. Как правило, они представляют собой квадрат в плане и имеют плоскую кровлю. Летом дома используются в качестве кладовой и помещений для приготовления пищи. В теплое время года жильем служит юрта, которая обычно стоит рядом с домом. Зимой назначение этих помещений меняется: живут в доме, а в юрте хранятся запасы мяса, а также летний инвентарь и оборудование.

Протяженность центра сомона вдоль реки — около 1 км, но весной на берегах реки на расстоянии примерно до 5 км по обе стороны от селения появляются летние кочевки — *аалы*.

Поскольку основные занятия большинства жителей сомона Цэнгэл — животноводство и охота, многие праздники здесь так или иначе связаны с животноводством. Весной празднуют первый надой, первое приготовление молочного самогона — *араки*, кастрацию молодняка, первую стрижку овец, изготовление первого войлока и т. д.⁵. Отмечают также получение новой юрты, приезд гостей, возвращение члена семьи после обучения, из армии, отъезд родственников и т. д.

Основной целью моих исследований в сомоне Цэнгэл был сбор образцов тувинского фольклора, сохранившего ценные сведения о языке, духовной и материальной культуре народа.

В сомоне Цэнгэл мной собрано 66 сказок (*тоол*), 103 песни (*ыр*), 45 благословений (*алгыш*), 10 восхвалений (*мактаар*), а также 398 пословиц (*джечен сос*), 343 загадки (*дывызык*) и 15 шаманских причитаний.

В течение трех поездок я выявила 42 исполнителя устнопоэтического народного творчества. Из них удалось прослушать 27, в том числе 8 женщин.

Я наблюдала, как исполняются эпические произведения у цэнгэльских тувинцев. Вот как это происходит. Мы сидим в юрте. Сумерки или совсем темно. В печке горит огонь, на столике свеча, кипит котел с чаем, молоком или мясом. После еды и чаепития рассказчик откашливается и говорит: «А теперь я хочу рассказать сказку». Он сидит с подогнутыми

⁵ E. Taube. Das Kastrierfest bei den Cengel-Tuwinern, «Asien in Vergangenheit und Gegenwart», Berlin, 1974, S. 443—457.

ногами на почетном месте (*дөр*) напротив дверей. Слушатели располагаются вокруг печки прямо на полу или на маленьких деревянных табуретках. Место старших детей на кровати; малыши сидят на корточках возле своих матерей или бабушек. Мужчины в большинстве случаев сидят на почетном месте, опираясь спинами на стоящие там деревянные сундуки. Свои пиалы они ставят возле себя на полу. Время от времени кто-нибудь заходит, молча приветствует присутствующих и ищет себе свободное место.

Пожилые и более известные сказочники чаще всего напевают свои истории. Иногда они при этом ритмично покачиваются в такт мелодии с закрытыми глазами. Некоторые исполнители внимательно наблюдают за своими слушателями и сопровождают рассказываемую историю мимикой и жестами, которые в ходе исполнения становятся все выразительнее. Слушатели всегда комментируют рассказ возгласами соболезнования, одобрения, радости, удовлетворения, возмущения, презрения, злости или ненависти. Следует отметить, что произведения повествовательного фольклора нередко исполняются также на праздниках.

Большинство обследованных сказителей старше 30 лет. Это свидетельствует о том, что если мы теперь не зафиксируем произведения, известные людям старших возрастов, они будут забыты.

Прослушанных нами рассказчиков я условно разделила на три группы. К первой относятся *тоолучу* (сказочники). Это исполнители сравнительно длинных фольклорных произведений, преимущественно богатырских сказок. Наиболее характерная для них манера исполнения — речитатив. Насколько мне известно, они не жили за счет рассказывания, поэтому их нельзя считать профессиональными сказителями.

Ко второй группе относятся исполнители более коротких текстов. В их рассказах меньше персонажей. Таких рассказчиков также называют *тоолучу*.

В третью группу входят исполнители, не считающие себя сказочниками; они знают отдельные короткие фольклорные произведения, исполняемые обычно в прозаической форме. Все прослушанные нами исполнители очень серьезно относились к своему делу.

Сказители в большинстве случаев знали, от кого и примерно когда они услышали тот или иной текст. Однако нередко они говорили: «Я слышал это раньше, когда был ребенком, много лет тому назад».

Мне удалось записать фольклорные произведения нескольких жанров. Значительное место в фольклорном репертуаре тувинцев занимают *тоол*. Этим термином обозначают сказки о животных, сказки социально-бытового характера, волшебные и богатырские сказки и героические сказания. Как правило, *тоол* — прозаические произведения, часто ритмизированная проза со стихотворными вставками.

Наряду с *тоол* у цэнгэльских тувинцев встречаются еще и произведения повествовательного фольклора «малых форм» — *домак* и *тууку* или *төөгү*. Эти термины обозначают этиологические сказки или легенды.

Загадки и пословицы тувинцев — аллитерационные, преимущественно двухстрочные, реже четырехстрочные, с широким использованием параллелизмов. В них отразились быт, хозяйственная деятельность и материальная культура тувинцев, их представления об окружающем мире. Широко распространены загадки и пословицы о юрте, предметах домашнего обихода, частях тела, определенных, типичных для кочевого образа жизни привычках, а также животных (прежде всего об охотничьей дичи), природных явлениях.

Иногда, когда казалось, что на наши вопросы о загадках или пословицах нам отвечали очень сдержанно, мы сами начинали загадывать загадки либо из тех, которые уже записали, либо немецкие, более или менее совпадающие с мировосприятием тувинцев. Несколько раз разгорались настоящие соревнования по отгадыванию загадок. Соревно-

вания подобного рода известны другим народам. У тувинцев они проходят по-разному: группа против группы, один человек против группы, один против одного. Порой заключаются пари между сторонами.

Однажды я присутствовала на соревновании, где один из участников держал пари, что присутствующие не смогут разгадать семь его загадок. Видимо, автором этих загадок был он сам. При этом происходила своеобразная «продажа» отгадок. Проигравшие должны были протянуть победителю правую ладонь, по которой он щелкал указательным пальцем правой руки, порой, вероятно, очень больно. Иногда победитель «продавал» проигравшего обидными словами. Привожу пример:

«Из твоей головы я сделаю чашу для подаваний...
Из твоих ушей я сделаю наушники...
Из твоих уст я сделаю кулек...
Из твоей руки я сделаю лопату для уборки сухого навоза...
Из твоего плеча я сделаю кол...
Из твоих ног я сделаю кирку...» и т. д.

Такие соревнования нередко организуются на праздниках.

Мною записаны также благословения, которые гости нередко произносят на празднествах в тот момент, когда вручают подарок хозяйке или кладут его на определенное место в юрте (например, во время празднования рождения ребенка — рядом с колыбелью или в саму колыбель)⁶. В ходе торжества случается и так, что двое пьют араку, чувствуя и благославляя друг друга.

Еще один вид фольклорных произведений цэнгэльских тувинцев — восхваления. Они весьма коротки — две, четыре или шесть строк. Более длинные восхваления, как правило, произносятся на монгольском языке. Восхваления произносят чаще всего во время празднеств в честь хозяина юрты, хорошей скаковой лошади, выдающегося борца и др. В прошлом восхвалялись различные местные божества⁷. Иногда сказочники начинали свои повествования восхвалением Алтая.

Иногда на празднике отсутствует сказочник, не всегда организуются соревнования по разгадыванию загадок, но не бывает праздника без песен. После еды, когда уже разлиты первые пиалы араки, один из пожилых людей начинает петь. Другие присоединяются к нему — это начало многочасового коллективного пения, которое длится до глубокой ночи, обычно до тех пор, пока в юрте или даже во всем ауле не кончится арака⁸.

Интересно отметить, что казахские песни исполняются крайне редко, хотя, как уже отмечалось, в сомоне Цэнгэл тувинцы живут бок о бок с казахами и владеют казахским языком. На празднествах поют главным образом тувинские песни, причем фактически на одну мелодию. Встречается иногда и вторая мелодия, но о ней точно известно, что она заимствована у тувинцев Советского Союза. Мною записано всего три песни на эту мелодию. Остальные сто имеют одну мелодию, встречающуюся обычно в двух вариантах. Записать ее было нелегко. У отдельных групп тувинцев певцы долго выдерживают некоторые звуки и импровизируют, украшая основной мелодический рисунок «опеванием» звуков низкими и высокими тонами. Такие дополнения, правда, находятся в русле определенной вокальной традиции, однако они не являются неотъемлемой

⁶ E. Taube, Mutter und Kind in Brauchtum der Tuwiner der Westmongolei, in: «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Bd XXVII, Berlin, 1970, S. 75—89, Tafel I—IV.

⁷ E. Taube, Die Widerspiegelung religiöser Vorstellungen im Alltagsbrauchtum der Tuwiner der Westmongolei, in: «Traditions religieuses et para-religieuses des peuples altaïques», Paris, 1972, S. 119—138.

⁸ E. Taube, Das Kastrierfest bei den Cengel-Tuwinern.

частью мелодии и дают большой простор для импровизации, в результате чего при коллективном пении получается своего рода многоголосие. Мелодия тувинских песен в своей основе грустная. Среди записанных нами песен нет ни одной шуточной или веселой. Известные нам две сатирические песни были созданы всего несколько лет назад, причем в них отражены отдельные конкретные события.

Обычно в песнях рассказывается о жизни пастуха или охотника, красоте лошади, о родной природе, любви, грусти в связи с потерей девушки или ее неверностью, о разлуке с семьей, спорах между родственниками, судьбе человека, вынужденного жить на чужбине, о дружбе.

Запевалы периодически меняются. Они начинают песню, а остальные присоединяются только со второй строки. Удивляют хорошие вокальные данные пожилых семидесятилетних и даже восьмидесятилетних людей. На праздниках иногда организуются своеобразные соревнования между группами певцов — хара-соянов или ак-соянов. Соперники исполняют одну и ту же песню, но в различном темпе (хара-сояны поют быстрее, поскольку украшать мелодию у них не принято). Задача этого состязания состоит в том, чтобы не потерять мелодию.

Именно на празднествах мне удалось обнаружить неизвестные большинству певцов, почти забытые тексты, а также отдельные, не записывавшиеся ранее куплеты или варианты той или иной песни. Если я знала начало какой-либо песни, сопровождавший меня молодой тувинец запевал ее; среди присутствующих почти всегда находились люди, подхватывавшие песню и доводившие ее до конца.

Важным источником для изучения песенного творчества цэнгэльских тувинцев служат рукописные песенники школьников, на которые я обратила внимание в 1969 г. Мне несколько раз говорили, что некоторые школьники собирали песни, т. е. «записывали песни в тетрадь». С одним таким собирателем, 14-летним мальчиком, я познакомилась. Записи во многих таких тетрадях принадлежат не только их хозяевам. Под текстом некоторых песен стоит: *бичив* (т. е. написал) и имя. Возможно, такие записи делали товарищи по школе.

Наряду с популярными монгольскими и казахскими песнями в песенниках встречались и тувинские. Правда, некоторые из них переписаны из печатных песенников советских тувинцев (об этом свидетельствует единое правописание)⁹; но имеются и воспроизведенные по памяти песни цэнгэльских тувинцев. Примечательна совершенно произвольная орфография этих записей, которая объясняется тем, что тувинские дети сомона Цэнгэл никогда не учились писать по-тувински. Даже сопровождавший меня тувинец понимал отдельные слова в этих песенниках только после некоторого размышления или же после того, как они были произнесены.

Собранные мною произведения тувинского фольклора ни в коей мере не исчерпывают тувинскую народную поэзию. В процессе работы я натолкнулась на некоторые новые сюжеты народных сказок или сказаний, которые пока еще, к сожалению, не удалось прослушать и записать. К тому же мне не удалось установить контакты с некоторыми лицами, известными как знатоки народных преданий. Все же я думаю, что собранный материал можно считать репрезентативным. Это подтверждается сравнением его с фольклорными произведениями, опубликованными В. В. Радловым, Н. Ф. Катановым и Г. Н. Потаниным¹⁰, а также с издан-

⁹ См. например, «Ырлажылы (ырлар чыындызы)», Кызыл, 1959.

¹⁰ «Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи», I отделение — «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым», ч. I — «Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев», СПб., 1866; «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым», ч. 9 — «Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов, собранные и пере-

ными в Советском Союзе сказками населения Тувинской АССР¹¹, отобранными из большого сказочного фонда, созданного в результате долголетней, интенсивной и целенаправленной работы многих ученых и любителей под руководством Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Необходимо отметить, что большинство важнейших или самых характерных сюжетов и мотивов тувинских сказок из Тувинской АССР встречается также в сказках цэнгэльских тувинцев МНР.

Собранные нами фольклорные материалы — это первая запись устного народного творчества тувинцев МНР. Их публикация в ГДР с переводом, глоссарием и комментариями будет представлять интерес не только для фольклористов, но и для этнографов.

Я с благодарностью вспоминаю тех, кто своими рассказами, заинтересованностью в нашей работе содействовал сбору коллекции фольклора.

веденные Н. Ф. Катановым. Тексты», СПб., 1907; Н. Ф. Катанов, Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня, Казань, 1903; Г. Н. Потанин, Очерки северо-западной Монголии, вып. II — «Материалы этнографические», СПб., 1881; вып. IV — «Материалы этнографические», СПб., 1883.

¹¹ На тувинском языке: «Тыва улустун, тоолдары», Кызыл, I — 1947; II — 1951; III — 1955; IV — 1957, V — 1960, VI — 1963, VII — 1968; «Демир Шилги аъттыг Тевене Мөге», «Тыва тоолдар», Кызыл, 1972; Маңнайның тоолдары», Кызыл, 1971. На русском языке: «Тувинские народные сказки», Кызыл, I — 1954; II — 1958; III — 1964; «Сказки о богатырях», Кызыл, 1960; «Тувинские народные сказки», М., 1971. На монгольском языке: «Тува ардын улгэрууд», Улаанбаттар, 1970.
